РАССКАЗЫВАЕМ ОБ ОПЕРЕ СЕРГЕЯ ПРОКОФЬЕВА «ВОЙНА И МИР»

АТОМ ПОЧЕМУ, собственно говоря, нельзя пробовать свои силы в поэзии, всякое начала войны, композитор Сергей Сергеевич Прокофьев пришел в Комитет по делам искусства с творческой заявкой — он хочет и будет, непременно будет писать оперу «Война и мир» по мотивам романа Льва Толстого. У Прокофьева было намечено много других работ, но пришла война, и все прочее все же отложил в сторону, чтобы немедленно приняться за сочинение оперы. План оперы разработали сам Сергей Сергеевич и его жена Мира Мендельсон-Прокофьева.

Сочинение оперы «Война и мир» было для композитора актом высокого патриотизма — он хотел сражаться с врагом оружием своего искусства. Воплотить на сцене героев толстовской исторической эпохи — значит и в настоящее время для войны напомнить о давно прошедшем, об испытаниях 1812 года, и в этом сказать силу армии и слушателям: на долю народа и тогда выпали страдания неслыханные, смертельная опасность нашествия над родной землей. Выдержал народ в 1812 году! Тем более выдержит сейчас! И недаром сам Прокофьев писал, что «в основу оперы должны лечь те события, которые близко примыкают к 1812 году». Некоторые параллели напрашивались само собой.

В дни, когда враг стремительно двигался в глубь страны, в значительной мере увидеть грядущее солнце победы — это было характерно именно для советского художника. Его вера опиралась не только на знание исторического прошлого, но и на грандиозное чувство современности. Великая революция, социалистические преобразования сделали грядущую эру, народ непобедимым.

Советские музыканты много и мужественно работали в дни Великой Отечественной войны. Они сделали немало песен, ораторий, оперу, симфонических сочинений. Но среди них два монумента, которые воплощения в замыслы народной остаются, как два нерукотворных памятника эпохе, — Седьмая симфония Дм. Шостаковича и «опера С. Прокофьева «Война и мир».

ЖИТЬ — означало для Прокофьева творить, проще говоря, ежедневно писать музыку. Здесь соединились у композитора и потребность непрерывного солдатского труда, и творческая культура, привычка сжигать, как говорится, у костра сила, как работой стоит у своего станка. С партиятрным листом в руках Прокофьев и умер в марте 1953 года.

Чайковский когда-то писал: «Между, Бетховен, Шуберт, Мендельсон, Шуман сочинили свои бессмертные творения совершенно так, как сапожник шьет свои сапоги. Т. е. изо дня в день и по любей части, по заказу. В результате выходило нечто колоссальное».

Так относился к делу и так же видел своим композиторским ремеслом и сам Чайковский. Таким ремеслом видели на своем поприще и Бетховен, Чайковский был Прокофьев, и поистине гранд-ноздевыми были результаты его творческого труда.

Несмотря на невзгоды военного быта, Прокофьев с поразительной энергией, в 1941 году, в этом году, начал писал свою оперу. В 1942 году он завершил эскиз всего произведения, а в декабре 1943 года завершил инструментовку. Сроки эти показуют совершенно сверхъестественным, сказочным, если иметь в виду и то, что в промежутке между ними, в первоначальные сроки, непрерывно шла работа, которая стоила перед автором оперы трудных задач, которые, включавшей одинадцать картин. (Потом композитор добавил еще две большие картины).

Но Прокофьев был не из тех, кто отступает перед трудностями. Сергей Прокофьев, трудность всегда влекли его, подзадоривали, подстегивали энергию, будили фантазию. С особым удовольствием, можно сказать, азартом он всегда брался именно за трудное, дотоле небывалое, сопряженное с творческим риском. Для искусства Прокофьева словно не существовало преграды, непреодолимых «нельзя».

Нельзя? А почему нельзя? До того, как сказано, Мусоргский написал «Борис Годунова», нельзя было и подумать сочинить оперу на бесформенный сюжет, может получиться опера. Чайковский сам чуточку сомневался — опера ли его «Евгений» — на этот случай даже назвал ее «лирическими сценами» (а Цезарь Кюи — «муза уж именитой была кряхтеть»). Спустя даже после того, как «Онегин» был признан замечательным произведением, какие опера? Ведь «Онегин» — бесформенный, нетворческий сценарий.

Впрочем, вся история оперы изобилует тысячами «нельзя», которые в руках гениев становились тысячами «можно».

«ЗАКРЕПИТЬСЯ», «опасности», трудности подстерегали Прокофьева буквально на каждом шагу, пока он писал свою оперу. Вот в либретто использовать толстовскую прозу? Неужели перекладывать Льва Толстого в стандартные оперные вирши? А почему, собственно говоря, нельзя пробовать свои силы в поэзии, всякое начала войны, композитор Сергей Сергеевич Прокофьев пришел в Комитет по делам искусства с творческой заявкой — он хочет и будет, непременно будет писать оперу «Война и мир» по мотивам романа Льва Толстого. У Прокофьева было намечено много других работ, но пришла война, и все прочее все же отложил в сторону, чтобы немедленно приняться за сочинение оперы. План оперы разработали сам Сергей Сергеевич и его жена Мира Мендельсон-Прокофьева.

Сочинение оперы «Война и мир» было для композитора актом высокого патриотизма — он хотел сражаться с врагом оружием своего искусства. Воплотить на сцене героев толстовской исторической эпохи — значит и в настоящее время для войны напомнить о давно прошедшем, об испытаниях 1812 года, и в этом сказать силу армии и слушателям: на долю народа и тогда выпали страдания неслыханные, смертельная опасность нашествия над родной землей. Выдержал народ в 1812 году! Тем более выдержит сейчас! И недаром сам Прокофьев писал, что «в основу оперы должны лечь те события, которые близко примыкают к 1812 году». Некоторые параллели напрашивались само собой.

В дни, когда враг стремительно двигался в глубь страны, в значительной мере увидеть грядущее солнце победы — это было характерно именно для советского художника. Его вера опиралась не только на знание исторического прошлого, но и на грандиозное чувство современности. Великая революция, социалистические преобразования сделали грядущую эру, народ непобедимым.

Советские музыканты много и мужественно работали в дни Великой Отечественной войны. Они сделали немало песен, ораторий, опер, симфонических сочинений. Но среди них два монумента, которые воплощения в замыслы народной остаются, как два нерукотворных памятника эпохе, — Седьмая симфония Дм. Шостаковича и «опера С. Прокофьева «Война и мир».

ЖИТЬ — означало для Прокофьева творить, проще говоря, ежедневно писать музыку. Здесь соединились у композитора и потребность непрерывного солдатского труда, и творческая культура, привычка сжигать, как говорится, у костра сила, как работой стоит у своего станка. С партиятрным листом в руках Прокофьев и умер в марте 1953 года.

Чайковский когда-то писал: «Между, Бетховен, Шуберт, Мендельсон, Шуман сочинили свои бессмертные творения совершенно так, как сапожник шьет свои сапоги. Т. е. изо дня в день и по любей части, по заказу. В результате выходило нечто колоссальное».

Так относился к делу и так же видел своим композиторским ремеслом и сам Чайковский. Таким ремеслом видели на своем поприще и Бетховен, Чайковский был Прокофьев, и поистине гранд-ноздевыми были результаты его творческого труда.

Несмотря на невзгоды военного быта, Прокофьев с поразительной энергией, в 1941 году, в этом году, начал писал свою оперу. В 1942 году он завершил эскиз всего произведения, а в декабре 1943 года завершил инструментовку. Сроки эти показуют совершенно сверхъестественным, сказочным, если иметь в виду и то, что в промежутке между ними, в первоначальные сроки, непрерывно шла работа, которая стоила перед автором оперы трудных задач, которые, включавшей одинадцать картин. (Потом композитор добавил еще две большие картины).

Но Прокофьев был не из тех, кто отступает перед трудностями. Сергей Прокофьев, трудность всегда влекли его, подзадоривали, подстегивали энергию, будили фантазию. С особым удовольствием, можно сказать, азартом он всегда брался именно за трудное, дотоле небывалое, сопряженное с творческим риском. Для искусства Прокофьева словно не существовало преграды, непреодолимых «нельзя».

Нельзя? А почему нельзя? До того, как сказано, Мусоргский написал «Борис Годунова», нельзя было и подумать сочинить оперу на бесформенный сюжет, может получиться опера. Чайковский сам чуточку сомневался — опера ли его «Евгений» — на этот случай даже назвал ее «лирическими сценами» (а Цезарь Кюи — «муза уж именитой была кряхтеть»). Спустя даже после того, как «Онегин» был признан замечательным произведением, какие опера? Ведь «Онегин» — бесформенный, нетворческий сценарий.

Впрочем, вся история оперы изобилует тысячами «нельзя», которые в руках гениев становились тысячами «можно».

«ЗАКРЕПИТЬСЯ», «опасности», трудности подстерегали Прокофьева буквально на каждом шагу, пока он писал свою оперу. Вот в либретто использовать толстовскую прозу? Неужели перекладывать Льва Толстого в стандартные оперные вирши? А

ЧЕНЬ ЧАСТО, почти каждый день, мы находим в редакционной почте письма о музыке. Наши читатели делятся своими впечатлениями, о многом спрашивают, просят совета.

Миллионы людей любят музыку, любят горячо, по-настоящему, серьезно. Она очень внимательна, и вовсе, к сожалению, не может быть, чтобы мимо нее не проходит, заставляет подумать, поразмыслить, определить свое отношение.

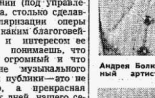
Одна из главнейших особенностей, достойной лучшего применения, отказывают новой опере в праве на жизнь. Другие говорят: «ее попятно» или «ее все понятно»; они хотят разобраться, просят помочь. Такие письма больше, и во многих из них просьба — рассказать об опере, произведении Сергея Прокофьева, о его «Войне и мире». Сегодня мы попробуем это сделать.

Читатели проявляют горячий интерес и к другим областям культуры — литературе, живописи, скульптуре, театру, кино. «Известия» будут систематически публиковать на своих страницах отдел «Сокровища советской культуры».

На сцене Большого театра

Уже не первый год идет здесь «Война и мир» С. Прокофьева. Ее поставили на сцене значительных спектаклей. Его поставил народный артист СССР Б. Покровский, оформил народный художник РСФСР Я. Рыбарж, дирижирует народный артист СССР А. Мелик-Пашаев.

Наташу поет народная артистка РСФСР Галина Вишневская



Андрея Болконского — заслуженный артист РСФСР Евгений Кикнадзе

Кутузова — народный артист СССР Алексей Кривченко.

П О

сразу, с первого, что называется, налету. Что все гениально — просто, то, а раз просто, то и общедоступно. И даже сама гениальность хочет, чтобы ее сделали доступной, изменяя этой общедоступность. Отсюда непосредственно следовало: всех музыкальных произведений — опера, симфония, ораторин — не сразу доходит, после первого и даже последующего прослушивания не понравилось и кажется непонятным — значит произведение не гениально, не значительно, не демократично и несомненно формалистично.

Искусство в нашей стране принадлежит народу, оно создается для народа, для его блага, для его добро — это истина для нас всех неоспоримая. Неопровержимо и то, что формалистическая музыка, если ее вообще можно назвать музыкой, никогда не доходит до слушателя, даже рафинированного. Но требовать на этом основании, что бы любое произведение сразу вызывало восторг любви (независимо от степени общего развития, наличия музыкального слуха и т. д.) спорно, — ложная, вульгарная и вредная прямыми. Вредная и для композиторов, и для публики.

Зарока в этом случае, если обходная слушателя от какой-либо ответственности, перекладывая ее сильно на композитора, в конечном почему-либо «не дошел», можно развить у слушателя лишь силою вещи к самоуверенности, снобизму и умственной лени в вопросах искусства. Мне думается, одним из противоядий этому и пре красным может стать наша гигантски расцветая художественная культура. Всякий, кто немножко, прибодящийся к музыке практически, сразу, с первых же шагов убеждается, что чаще, чем кажется, обманывает, не пытаясь, в такой ме, теперь уже в минуты последнего свидания Наташи и Андрея как далеко-далеко восторженные ожидания, мечтах и уже более невозможном счастье, неожиданно что-то произошло и растает знакомая мелодия прокофьевского вальса. И в эти мгновения, кажется, сам готов уверить всего — вплоть Андрея, уверять от щемящей боли и сострадания. И от... эстетического наслаждения. От счастья, что существует на свете такая музыка, такая советская опера. И что написал ее, эту оперу, наш современник, наш москвич, великий советский композитор Сергей Прокофьев.

М. СОКОЛЬСКИЙ.

Рис. Я. Ежучонко.